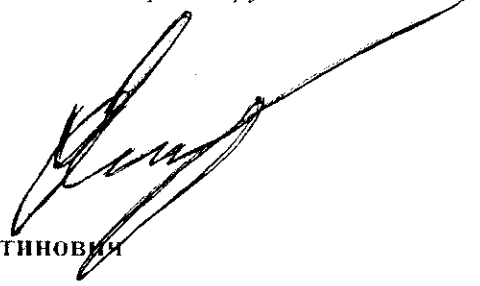

На правах рукописи

Андромонов Дмитрий Константинович

**КОНФОРМИЗМ И НОНКОНФОРМИЗМ В ОБЩЕСТВЕ
ПОСТМОДЕРНА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Самара 2017

Работа выполнена на кафедре философии, социологии и политологии Самарского филиала Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Научный руководитель: **Жукоцкая Александра Васильевна**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Воскобойников Анатолий Эммануилович**,
доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

Мареева Елена Валентиновна,
доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Защита состоится «28» сентября 2017 года в 14:00 года на заседании диссертационного совета Д 850.007.11 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ <https://www.mgpu.ru/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. В. Сахарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность социально-философского анализа феноменов конформизма и неконформизма в контексте современного общества обусловлена несколькими обстоятельствами. *Во-первых*, наличием концептуальных разногласий во взглядах на феномены конформизма и неконформизма между представителями разных школ и направлений, изучающих общество, общественные процессы и социальное поведение людей; *во-вторых*, содержательными изменениями в интерпретации этих понятий и феноменов в условиях новой политической и социокультурной реальности, называемой «обществом постмодерна»; *в-третьих*, необходимостью адекватно понимать и оценивать такие типы социального поведения, как конформизм и неконформизм, исходя из анализа их социально-философских истоков и оснований и учитывая специфику их проявления в современном обществе.

Первое обстоятельство обусловлено разнообразием форм проявления конформизма и неконформизма как типов социального поведения, соответственно и различными, подчас противоречивыми трактовками содержания этих понятий в научно-гуманитарном знании. Особенным в проблематике исследования конформного и неконформного типов поведения является тот факт, что она строится вокруг изучения феномена социальности «вообще». Анализ феноменов конформизма и неконформизма требует изучения принципов системной организации общества, его структурных и функциональных особенностей и причин, ведущих к общественной дезорганизации. Феномены конформизма и неконформизма привлекают наше внимание в контексте анализа поведения отдельного индивида и комплекса его ценностно-нормативных ориентаций. Понятия и сами феномены конформности и неконформности, солидарности и автономии оказались предметом широких научных дискуссий по поводу

социальной ответственности и социальной инертности человека, границ свободы личности и пределов социальной детерминации.

Второе обстоятельство обусловлено характерными изменениями, которые претерпевали наиболее развитые общества в течение второй половины XX века и претерпевают вплоть до наших дней, кратко характеризующиеся понятиями «постиндустриальное», «информационное общество», «общество постмодерна». В социальной философии данный круг проблем изучается с привлечением идей теоретической социологии постмодерна и постмодернистской социологии. Несмотря на существенные различия между двумя этими подходами (мы постарались раскрыть их в диссертационном исследовании), отметим солидарность исследователей, констатирующих устаревание социальных институтов индустриального общества («общества периода модерна») и безусловную «смену эпохи». Пришедший на смену «принципу иерархии» «принцип децентрации» стал основанием для ценностно-нормативного плюрализма и новых условий самоидентификации личности. Таким образом, постмодернистский контекст значительно усложняет анализ дихотомии конформизм/нонконформизм, предлагая новые формы системной организации постиндустриальных обществ и новые формы социализации, адаптации и идентификации индивидов и социальных групп.

Третье указанное выше основание актуальности исследования проблемы конформизма/нонконформизма обусловлено тем, что в обществе, где господствуют ценностный релятивизм, «методологический анархизм» (П. Фейерабенд), клиповое сознание и мультикультурализм чрезвычайно сложно разобраться в содержании и внутренних основаниях проявления таких типов социального поведения, как конформизм и нонконформизм. Подчас социальный нонконформизм, который мы привыкли считать протестным выражением, по сути, является закамуфлированной формой социального конформизма. Это обстоятельство, на наш взгляд, усиливает актуальность

изучения данных феноменов в действительных (постмодернистских) социокультурных обстоятельствах.

Актуальность изучения феноменов конформизма и неконформизма в современном обществе также связана с *необходимостью прогнозирования* доминирующих социальных тенденций и гипотетических социальных рисков. Основные риски связаны с негативными последствиями высокой степени конформности в обществе, которая при некоторых неблагоприятных обстоятельствах может привести к различным формам проявления тоталитаризма. С другой стороны, политический неконформизм в своем «предельном» выражении оборачивается экстремизмом и терроризмом, что связано с негативными эффектами глобализации и особенно актуально в свете нового витка массовой миграции в европейские страны.

Степень разработанности проблемы

В настоящее время констатируется отсутствие единства в осмыслении феноменов конформизма и неконформизма в научно-гуманитарном знании. Выделим два масштабных ориентационных направления исследований – социально-психологическое и социально-философское. В контексте этих традиционных направлений обозначим ветви гуманитарного знания, в рамках которых прямо или косвенно затрагивается интересующая нас проблематика: психология (психология личности и социальная психология), социальная теория (социологический аспект) и социальная философия (учение об обществе, теория культуры, философская этика).

Впервые интерес к конформизму как психологическому феномену, объясняющему логику поведения стихийных и стабильных групп, можно обнаружить в работах Г. Лебона и Г. Тарда в конце XIX века. Заметим, что больше всего внимания феномену конформизма традиционно уделяли именно психологи, исследовавшие специфику взаимоотношений личности в малых группах. Начиная с 30-х годов XX века, был осуществлен ряд экспериментов для подтверждения влияния группы на отдельную личность. Это, например, эксперименты М. Шерифа (1936), С. Аша (1951). Далее были проведены

похожие эксперименты С. Милгрэма, Р. Крачфилда, С. Московичи, М. Немета и Г. Вахтлера, в которых, напротив, экспериментально доказывалось влияние личности на группу, или меньшинства на большинство. Первый подход имеет функционалистскую специфику и, согласно П.Н. Шихереву, И.А. Васильевой, вписывается в «объясняющую» парадигму психологической науки. Второй связан с интеракционистской моделью группового взаимодействия и вписывается в «понимающую парадигму». Кроме того, выделяют третью, доминирующую в советской психологической науке и марксистски ориентированную «парадигму преобразования», у истоков которой стояли А.В. Петровский, В.В. Шпалинский и Л.И. Уманский. Также к психологическому анализу феномена конформизма обращались: Г.М. Андреева, Э. Аронсон, И.А. Васильева, Г. Джерард, М. Дойч, Г. Келмен, А.В. Кидинов, М. Кордуэлл, Р. Корсини, И.С. Кон, Р.Л. Кричевский, А.Л. Леонтьев, Д. Майерс, А. Маслоу, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, А.П. Сопиков, Д.Н. Узнадзе, В.Э. Чудновский, Т. Шибутани, П.Н. Шихерев.

Итак, в психологической когнитивной традиции конформизм рассматривается как феномен, обуславливающий взаимодействие индивида и группы, выраженный либо в давлении большинства на меньшинство (или наоборот), либо в процессах социализации и адаптации.

Феномену неконформизма в научных исследованиях уделено значительно меньше внимания. Иногда неконформизм рассматривается как тип психологической реакции, указывающей на зависимость индивида от группы (например, в работах Г. Джерарда, М. Дойча, Г. Келмена, А.В. Петровского, В.Э. Чудновского), иногда как показатель автономии личности (в работах М. Кордуэлла, С. Милгрэма, С. Московичи).

В социальной теории феномены конформизма и неконформизма представлены в контексте анализа ценностно-нормативной системы общества как лояльность или нелояльность по отношению к доминирующим нормам и установкам. Одними из первых обратились к данной проблематике М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ч. Кули. Более полное отражение феномены

конформизма/нонконформизма нашли в структурно-функциональной теории Т. Парсонса, трудах Р. Мертона, П. Штомпки. В них конформизм и нонконформизм представляют собой базовый механизм сохранения и воспроизводства социального порядка. Критика теоретических позиций адептов структурного функционализма, а также роли конформизма и нонконформизма в социальных системах отражена в работах П. Бурдьё, Э. Гидденса, К. Касториадиса, Н. Лумана, Ю. Хабермаса, Ш. Эйзенштадта. Данные авторы склонны к релятивизации ряда постулатов Парсонса и Мертона в отношении природы социальных систем и структуры социального действия. Критика структурно-функциональной теории в связи с отсутствием конфликтной модели и адекватной теории девиантного (нонконформного) поведения осуществлялась Г. Беккером, Г. Блумером Р. Дарендорфом, Л. Козером, Д. Локвудом, Э. Лемертом.

Взгляды представителей франкфуртской школы («критической теории») и близких к ней мыслителей предлагают социально-философскую перспективу исследований феномена конформизма. К ним можно отнести Т. Адорно, Л. Альтюссера, В. Беньямина, А. Грамши, М. Маркузе, Э. Фромма, М. Хоркхаймера.

У истоков социально-философского анализа дихотомии «конформизм/нонконформизм» находятся идеи Ф. Ницше. Рассуждая о нормативной структуре морально-этических ограничений современного общества, Ф. Ницше противопоставлял «мораль рабов» принципиальной неморальности «сверхчеловека», определяя именно социальное «большинство» в качестве конформной массы. Таким образом, проблематика конформизма и нонконформизма нашла если не непосредственное, то опосредованное отражение в теории культуры и философской этике.

Социально-философский анализ проблематики конформизма и нонконформизма преимущественно связан с популярным в XX веке и актуальным до сих пор концептом «массовое общество». Конечно, в первую очередь, речь идет о конформизме, так как «массы» представляют собой

социальное образование, конформное по определению. Массовая культура обычно рассматривается как эпифеномен массового общества. В связи с этим стоит отметить наиболее востребованных авторов, исследовавших явления массовой культуры и массового общества: Т. Адорно, Л. Альтюссер, Х. Арндт, Р. Арон, З. Бжезински, В. Беньямин, А. Грамши, Э. Канетти, Д. Лукач, К. Мангейм, Г. Маркузе, Ч. Миллс, Х. Ортега-и-Гассет, К.Р. Поппер, Д. Рисмен, Э. Фромм, Ф. Хайек, М. Хоркхаймер.

Конформность как свойство масс, проявляющееся в постиндустриальном обществе, обществе эпохи постмодерна и особенно в обществе тоталитарном, получает однозначно негативную оценку. Отметим сторонников постмодернистской социальной теории, в рамках которой конформизм представляет собой неизбежное следствие общей социальной детерминированности («гиперконформизм»): Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Джеймисон, С. Жижек, Ю. Кристева, М. Фуко. Более оптимистичные взгляды в отношении современного массового общества представлены в работах Д. Белла, В. Иноземцева, М. Маклюэна, М. Мафессоли, Э. Тоффлера.

Постиндустриальное либерально-демократическое общество также может иметь черты тоталитарного или, по крайней мере, общества репрессивного типа. Анализу массовых неконформных тенденций, явлению контркультуры как ценностной альтернативе общества потребления положили начало труды Р. Инглхарта, Ч. Райча, Т. Розака.

Проблематику конформизма и неконформизма в контексте анализа и критики массового общества, массовой культуры и контркультуры можно обнаружить в отечественной философской литературе последней четверти XX века. Отметим работы Э.Я. Баталова, Ю.Н. Давыдова, Ю.А. Замошкина, С.И. Левиковой, А.Ю. Мельвиля, Л.Л. Мельниковой, Н.В. Мотрошиловой, К.Г. Мяло, М.И. Новинской, А.С. Панарина, К.Э. Разлогова, И.Б. Роднянской, В.Г. Самарина, А.Л. Семенова, М.А. Султановой, И.И. Федорова, В.Ц. Худавердяна. В работах, изданных еще в СССР, конформизм и неконформизм были в основном представлены как феномены негативные,

обусловленные внутренними противоречиями буржуазного общества. Позднее появились взгляды на контркультуру как попытку найти выход из идейно-ценностного тупика общества потребления.

Активный интерес к изучению конформности масс в контексте тоталитарного общества и общества постмодерна был инициирован отечественной гуманитарной наукой в конце 90-х – начале 2000-х гг. К этой теме обращались: Э.Я. Баталов, А.И. Бондаренко, А.П. Бутенко, К.С. Гаджиев, Т.А. Глушкова, Ю.Н. Давыдов, А.В. Жукоцкая, Н.В. Загладин, В.В. Ильин, Ю.И. Игрицкий, А.С. Мясникова, Д.В. Ольшанский, Е.Л. Омельченко, И.Н. Россоха, К.Д. Скрипник, М.А. Хевеши.

Таким образом, с одной стороны, проблема конформизма и нонконформизма непосредственно и опосредованно широко освещена в западной и отечественной социально-философской и социально-психологической литературе. С другой стороны, множество противоречивых мнений и точек зрения относительно самих понятий и феноменов, стоящих за ними, требует их дальнейшей систематизации и уточнения при изменившихся социокультурных обстоятельствах, в которых может трансформироваться и смысл самого конформного или нонконформного поведения.

Объект исследования: феномены конформизма и нонконформизма в современном обществе.

Предмет исследования: специфика проявления конформизма и нонконформизма как дихотомических типов социального поведения в обществе постмодерна.

Цель исследования: выявление специфики ценностно-культурных оснований и функциональных особенностей конформного и нонконформного поведения в условиях общества постмодерна.

Задачи: достижение цели исследования связано с решением ряда задач. Необходимо:

- провести экспликацию понятий «конформизм» и «нонконформизм» в социально-гуманитарном знании с целью определения их границ, аксиологических предпосылок и возможностей применения в современной социальной науке;
- выявить концептуальные основания «нормативного» дискурса, в границах которого осуществлялось изучение конформизма и нонконформизма в рамках структурно-функциональной теории;
- осуществить критику «нормативного» дискурса и выявить концептуальные основания «релятивного» и «критического» дискурсов в качестве проблемного поля при анализе конформизма и нонконформизма;
- выявить особенные социально-политические и социокультурные черты общества постмодерна на разных этапах его становления для поиска специфики проявления конформизма и нонконформизма как типов социального поведения;
- изучить закономерности проявления феноменов конформизма и нонконформизма в тоталитарном и либерально-демократическом социально-политических контекстах для адекватного понимания их как различных типов социального поведения;
- рассмотреть феномены конформизма и нонконформизма через призму и проблематику демаркации культуры («массовая культура» и «контркультура») для решения исследовательской проблемы конформной и нонконформной идентичности в обществе «раннего» и «позднего» постмодерна.

Основная гипотеза исследования:

Понятиями «конформизм» и «нонконформизм» традиционно обозначают принципиально противоположные по своей сути типы социального поведения людей. Но социальные и культурные трансформации, присущие так называемому «обществу постмодерна», изменяют содержание и существенные характеристики конформизма и нонконформизма как типов

социального действия. Конформизм может скрываться за внешне неконформным способом человеческого поведения, что говорит о проблемах конформной и неконформной идентичности в современном обществе и, соответственно, концептуальной и методологической сложности анализа конформизма и неконформизма.

Теоретическую и методологическую базу исследования составляет совокупность концепций, приемов и способов исследования феноменов конформизма и неконформизма в социально-гуманитарном знании. *Междисциплинарный и интегральный* характер исследования обусловлены, с одной стороны, спецификой конформизма и неконформизма как социальных феноменов, обладающих многообразными формами проявления, с другой – особенностями концепта «общество постмодерна», в смысловом поле которого проявляются общие и специфические черты конформизма и неконформизма как типов социального поведения. *Теоретико-методологической* основой исследования является многообразие концептуальных взглядов и методологических подходов к изучению феноменов конформизма и неконформизма, а также общества эпохи постмодерна, заимствованных из различных областей научно-гуманитарного знания: социальной психологии, теоретической социологии, социальной философии, культурологии, философской этики и т.д.

В качестве базовых методологических операций были использованы *диалектический* и *метафизический* методы, позволившие рассмотреть конформизм/неконформизм сначала в статике, вне различных связей и отношений, а затем в динамике, с учетом сложности и противоречивости этих феноменов. *Метод структурно-функционального анализа* обеспечил возможность увидеть трансформацию смыслов понятий «конформизм» и «неконформизм» в зависимости от структуры общественного порядка, а также выделить ряд функций, которые свойственны этим феноменам. Методологические приемы *конструктивизма* и *интерпретации* способствовали проведению реконструкции смыслов понятий «конформизм»

и «нонконформизм», а также интерпретации этих феноменов в зависимости от социокультурного и социополитического контекстов развития общества. Универсальный научный *метод моделирования* использовался на протяжении всего исследования для построения моделей конформизма и нонконформизма как типов социального поведения. Основные логические операции: *анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и сопоставление* являлись фундаментом рационально-логического анализа феноменов конформизма и нонконформизма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сущность *конформизма* как социального феномена проявляется через *соответствие* социального поведения индивида *образцам* ценностно-нормативной модели, доминирующей в обществе. Конформность может быть *рациональной* и *иррациональной* (осознанной и неосознанной), *добровольной* и *принудительной*. *Нонконформизм* как феномен и тип социального поведения структурируется *двумя принципами: отрицанием* доминирующей ценностно-нормативной системы (*деструктивная* сторона нонконформной деятельности) и *утверждением* ее альтернативы (*конструктивная* сторона). В случае тотального отрицания, например, господствующей идеологии, политического режима, ценностно-нормативных доминант и т.д., мы имеем дело с *негативным* нонконформизмом (*негативизмом*).

2. Разногласия в трактовке понятий конформизма и нонконформизма в социально-гуманитарном знании имеют *концептуальные* основания. Отталкиваясь от разных интерпретаций природы феноменов конформизма и нонконформизма, от суммы возможных комбинаций их позитивных и негативных характеристик, их функций, можно выделить *три* ведущих *дискурса*, в границах которых ведутся исследования понятий конформизм/нонконформизм и соответствующих им социальных феноменов. *Нормативный* дискурс сформирован в рамках структурно-функциональной теории. Его характерной чертой является отсутствие негативной конформности. *Релятивный (нейтральный)* дискурс предполагает в равной

степени учет негативных и позитивных сторон конформизма/нонконформизма. Он представляет собой совокупность социологических концепций, умеренно критичных по отношению к структурному функционализму. *Критический* дискурс, органически связанный с идеями представителей франкфуртской школы («критической теорией»), характеризуется исключительно негативной трактовкой конформности и «левой» политической ангажированностью.

3. Проявление конформизма и нонконформизма в различных политических системах обладает закономерными чертами, обусловленными наличием свободного политического пространства, необходимого для создания системной политической альтернативы действующему порядку. Показателем степени риска распространения конформизма или нонконформизма в обществе является острота гипотетического конфликта. Чем шире возможности для легитимных политических выступлений в рамках самой системы, тем меньше риск возникновения нонконформных тенденций в обществе. И наоборот, чем меньше возможностей для проявления недовольства в рамках границ, установленных самой системой, тем больше возможностей для проявления нонконформизма как доминанты социального поведения. Социальные системы тоталитарного типа, расширяя пространство негативной конформности, тем самым создают благоприятные условия для нонконформизма. Напротив, демократические системы создают меньше условий для распространения нонконформизма.

4. Социально-политическая и социокультурная трансформация западных обществ XX века (постмодерн) может быть наглядно представлена через динамику конформных и нонконформных тенденций. На основании этой динамики эпоху постмодерна можно условно разделить на два этапа: «ранний» постмодерн и «поздний» постмодерн. Первый этап (50–70-е гг. XX века) характеризуется возникновением, развитием и кризисом модели общества, которую в позитивном коннотате называют «обществом благосостояния» (welfare state), а в негативном – «обществом потребления»

(consumer society). На *первом* этапе еще существуют некоторые черты классического буржуазного общества модерна, сохранившиеся и в общественном сознании. Для *второго* характерен мультикультуралистский политический дискурс и плюрализм ценностно-нормативных комплексов. *Поздний постмодерн* является следствием трансформаций, которые западные общества пережили в результате волны массовых неконформистских выступлений конца 60-х годов XX века, различных движений за гражданские права, права меньшинств, а также возникновения феномена контркультуры.

5. Массовая волна неконформизма на исходе раннего постмодерна обусловлена наличием острого ценностно-нормативного и идеологического конфликта между зарождающимся постмодернистским обществом этического плюрализма и устаревающими элементами централизованной и иерархичной социальной системы общества модерна. Специфика современной ситуации (позднего постмодерна) заключается в отсутствии такой жесткой демаркационной линии. Сложность современных социокультурных систем настолько высока, что все возникающие ценностно-нормативные и идеологические конфликты скорее будут иметь локально-тактический, а не глобально-стратегический характер. Риск возникновения конфликтов более связан с проблемой границ различных идеологических и ценностно-нормативных комплексов, чем с проблемой автономии индивида и его сопротивления доминирующей идеологической и ценностно-нормативной системе.

6. Современная массовая культура парадоксальным образом встраивает в логику собственного функционирования идеологию контркультуры, что выражается в массовых демонстративно-неконформистских тенденциях. Неконформизм в позднем постмодерне становится одним из наиболее популярных мифов, оторванным от реального неконформистского социального поведения. В условиях массовой культуры, включающей в себя идеологию контркультуры, чрезвычайно усложняется определение конформной и неконформной идентичности. Современный неконформизм

предлагает индивиду «альтернативную» модель нонконформной социализации, которая, по сути, является симулятивной и конформистской. Такое положение дел выглядит своего рода социальной сублимацией идеи протеста и недовольства «тотальностью системы», сложность которой максимально снижает риск проявления конфликта между личностью и самой системой.

Научная новизна исследования:

1. Разработана типология конформизма (конформности) (*рациональная и иррациональная, добровольная и принудительная*) и нонконформизма (*деструктивный или негативизм и конструктивный*).

2. Выявлено и доказано, что разногласия в сфере социально-гуманитарного знания в трактовке понятий и феноменов конформизма и нонконформизма имеют *концептуальные и аксиологические* основания. Концептуальные основания заключаются в отношении тех или иных авторов к месту ценностно-нормативных систем в организации социальных порядков. Аксиологические – в оценке социальной солидарности, акценте на положительных или негативных сторонах феноменов конформизма и нонконформизма.

3. Сопоставлены и теоретически обоснованы различные исследовательские программы изучения конформизма и нонконформизма, названные автором *нормативным, релятивным и критическим* дискурсами в зависимости от интерпретации сущности самих феноменов конформизма и нонконформизма, комбинации их позитивных и негативных характеристик и функций.

4. Обосновано научное предположение, что проявление конформизма и нонконформизма в различных политических системах обладает закономерными чертами, обусловленными наличием свободного политического пространства, необходимого для создания системной политической альтернативы действующему порядку. Расширение возможностей для политических выступлений, легитимированных самой

системой, уменьшает риски возникновения неконформных тенденций в обществе и наоборот, сокращение возможностей проявления недовольства в рамках границ, установленных самой системой, способствует риску проявления неконформизма как доминантного типа социального действия.

5. Обосновано положение о том, что специфические черты феноменов конформизма и неконформизма детерминированы социокультурным и социополитическим контекстами, и представлена динамика конформных и неконформных социальных тенденций, обусловленная внутренней логикой трансформации социальных структур при переходе общества от «раннего» постмодерна к «позднему».

6. Доказано, что массовый неконформизм на исходе раннего постмодерна (60–70-е гг. XX века) детерминирован наличием ценностно-нормативных и идеологических конфликтов между формирующимся постмодернистским обществом этического и аксиологического плюрализма и «устаревшей» централизованной, иерархичной социальной и ценностно-нормативной системой общества модерна.

7. Обнаружена специфика проявления конформизма и неконформизма в современной ситуации (общество позднего постмодерна). Высказано предположение, что риск возникновения конфликтов связан скорее с проблемой границ различных идеологических и ценностно-нормативных комплексов, чем с проблемой автономии индивида и его сопротивления доминирующей идеологической и ценностно-нормативной системе.

8. Доказано, что в условиях массовой культуры, включающей в себя идеологию контркультуры, чрезвычайно усложняется определение конформной и неконформной идентичности. Современный неконформизм предлагает модель симулятивной неконформной социализации, которая является по сути и форме конформистской социальной сублимацией идеи протеста.

Теоретическая и практическая значимость исследования: результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей

концептуальной разработки содержания понятий «конформизм» и «нонконформизм», «общество постмодерна», «тип социального поведения и социального действия», «идеология», «власть и властные отношения» и т.д. Помимо этого, результаты и выводы данного исследования могут послужить основой для анализа, объяснения и прогнозирования социального поведения индивидов и групп в условиях постоянных трансформаций современного общества. Результаты исследования могут служить основой для разработки спецкурсов и курсов по выбору для реализации различных образовательных программ в области социальной философии, политических наук и социальной психологии.

Апробация и внедрение результатов исследования

Материалы диссертационного исследования были представлены на региональных и международных научно-практических конференциях, среди которых: Региональная научно-практическая конференция «Противодействие терроризму и экстремизму» (23 сентября 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы» (13 октября 2015 г. Уфа); XXXI международная конференция по проблемам общественных наук» г. Москва (2015); 15 международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований» (25–27 июня 2015 г. Москва).

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в девяти публикациях, в том числе в пяти публикациях в журналах, включенных в перечень ВАК.

Материалы диссертационного исследования использовались в образовательном процессе Самарского института повышения квалификации и переподготовки сотрудников образования (СИПКРО), в рамках курсов повышения квалификации учителей обществоведческих дисциплин.

Структура диссертации отражает ход и логику исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает в себя по три параграфа, заключения и списка используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность, рассматривается степень разработанности проблемы в современном научно-гуманитарном знании, определяются объект, предмет, цели и задачи, формулируется гипотеза, раскрывается научная новизна и методологические основания темы диссертационного исследования, а также теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертационного исследования посвящена анализу методологических подходов к изучению феноменов конформизма и нонконформизма в социально-гуманитарном знании. Дается общая характеристика конформизма и нонконформизма как противоречивых типов социального поведения.

В первом параграфе проводится анализ терминов конформизм и нонконформизм (конформность и нонконформность) в различных научных контекстах, устанавливаются границы и возможности применения соответствующих понятий.

Проблематика социального конформизма и нонконформизма возникает в научно-гуманитарном знании в последней четверти XIX века, тогда же формируются перспективы исследований: социально-психологическая и социально-философская. В рамках двух этих широких перспектив можно выделить ряд отдельных (самостоятельных) предметных направлений: психология, социальная психология, социальная теория, теория культуры, социальная философия.

В общей психологии и социальной психологии феномен групповой конформности становится предметом научного интереса в 30-е годы XX века. В это время проводятся первые экспериментальные исследования, призванные зафиксировать зависимость или независимость поведения индивида от контекста группового влияния. Итогом этих исследований (и ряда других исследований, проводившихся в течение всего XX века) можно

считать открытие наличия такой зависимости. Позднее, сама эта зависимость будет рассматриваться психологами в различных контекстах, обусловленных исследовательскими ориентациями и конкретной направленностью экспериментальной деятельности.

В XX веке в теоретической социологии и социальной философии, в свою очередь, складываются две магистральные линии в изучении феномена конформизма. Одна из них связана со структурно-функциональным анализом, в частности с изучением логики функционирования ценностно-нормативных систем. Эти идеи были развиты в структурно-функциональной теории (Т. Парсонс), где феномен конформности рассматривается не только как необходимое условие производства и воспроизводства стабильности, но и как базовый принцип общественной морали. То есть, понятие конформизм здесь имеет положительный коннотат. Социолог Р. Мертон предлагает также два уровня анализа конформизма/нонконформизма: индивидуальный (способы адаптации индивида к ценностно-нормативной системе) и референтно-групповой (системно-функциональный).

Другая линия восходит к широкой культурологической критике Ф. Ницше, его антинормативистской риторике и негативному отношению к «массам». Данная линия получила развитие, прежде всего, в творчестве философов и социологов франкфуртской социологической школы в контексте критики массового общества. Сам концепт массового общества, в свою очередь, имплицитно содержит в себе понятие конформизма. В этом случае понятие «конформность» имеет негативное значение. Разница между этими подходами заключается в базовых аксиологических предпосылках и некоторых методологических допущениях.

Показано, что содержание понятий конформизм и нонконформизм зависит от ряда факторов: во-первых, от научно-предметного контекста; во-вторых, от уровня анализа – *индивидуального* или *системного*; в-третьих, от аксиологических предпосылок и базовых методологических допущений. Третий момент связан с двумя возможными подходами к анализу социального

поведения, подразумевающими либо принцип *социальной инертности*, либо принцип *социальной ответственности*.

Выявлено три возможных *дискурсивно-методологических* поля (*дискурса*) конформизма/нонконформизма. *Нормативный* дискурс постулирует приоритет доминирующей формы социальной организации и обеспечивающей её системы ценностей. Нонконформизм здесь выглядит дисфункцией социальной системы, девиацией. Оба типа поведения на индивидуальном уровне имеют с такой точки зрения *стратегический* характер. Конформизм выглядит как тенденция к сохранению самого принципа порядка, нонконформизм – как обратная и деструктивная тенденция. Понятие нонконформизм здесь сходно с *негативизмом*.

Релятивный или *нейтральный* дискурс – это описательный дискурс, акцентирующий внимание на ситуации, при которой мы обнаруживаем феномены конформизма/нонконформизма. Здесь понятия релятивируются, так как конформизм/нонконформизм оказываются скорее *тактиками* поведения в процессе конфликтного взаимодействия. Оба явления рассматриваются либо позитивно, либо нейтрально. В данном случае мы наблюдаем конформизм и нонконформизм в контексте конфликта интересов и мировоззрений.

В случае *критического* дискурса мы столкнемся с программной критикой самой концепции социального порядка, и более того – констатацией репрессивного характера любого порядка по отношению к личности. Конформизм в этом случае выглядит тотальной тенденцией к слепому подчинению, а нонконформизм – борьбой против такой деструктивной тенденции. Оба типа поведения здесь также имеют стратегический характер. Понятие конформизм здесь сходно с *легализмом* и *оппортунизмом*.

Во **втором параграфе** раскрывается логика формирования нормативного дискурса конформизма/нонконформизма. Рассматривается эволюция концептов конформности и нонконформности в структурно-функциональной теории.

Проблематика конформного и неконформного типов поведения напрямую связана с некоторыми фундаментальными вопросами социальных наук, например, с вопросом о том, как возможен социальный порядок. Также проблематика конформизма и неконформизма встречается в структурно-функциональной теории в связи с рядом более узких вопросов: место норм и ценностей в социальной организации; теория действия и поведения; теория социальной девиации. В концепции Т. Парсонса феномен конформности дает ответ на два из трех этих вопросов. По мнению Парсонса, конформность по отношению к нормам и ценностям обусловлена социально-интегративными функциями социальных систем, то есть является феноменом универсальным. Согласно его теории действия, актер в непосредственной ситуации действия ориентируется на внешние нормы, конформность, по отношению к которым регулирует социальное поведение. Неконформность является нарушением этих норм. Сам термин «неконформизм» Парсонс не использует, но девиантное поведение рассматривает в качестве социальной дисфункции.

Развивая эти теоретические положения, Р. Мертон предлагает индивидуальную схему социальной адаптации индивида по отношению к целям социального поведения и средствам их достижения, где конформность рассматривается как лояльность по отношению и к первым, и ко вторым. Кроме того, на системном уровне Р. Мертон предлагает аналитически различать неконформный тип поведения и девиантные типы. В дальнейшем в рамках структурно-функциональной теории П. Штомпка усложнит схему индивидуальной адаптации, добавив в нее неконформизм как такой тип поведения, который ориентирован на альтернативную доминирующей в обществе ценностно-нормативную систему.

Показано, что в основании *нормативного* дискурса конформизма/неконформизма лежат взгляды Т. Парсонса – Р. Мертона. Специфика их методологических подходов связана, с одной стороны, концепцией солидарности Э. Дюркгейма, с другой – с теорией социального действия М. Вебера. При этом, в отличие от типологии действия Вебера (в

которой есть различие между традиционной и целее- и ценностнорациональными ориентациями), Парсонс и Мертон не делают акцент на возможных внерациональных мотивациях действия. Как конформизм, так и нонконформизм на индивидуальном уровне социального поведения в их интерпретации имеют рациональные основания, то есть осознаются самими акторами. Аксиологическая посылка нормативного дискурса заключается в приписывании Парсонсом социальному конформизму характера морального долга.

В **третьем параграфе** рассматриваются критические аргументы в отношении структурно-функциональной теории, альтернативные концепции тех авторов, чьи теоретические позиции следует отнести к *релятивному* и *критическому* дискурсам конформизма/нонконформизма.

Установлено, что критика *нормативного* дискурса конформизма/нонконформизма формируется вокруг трех проблемных областей социальной теории: критики нормативной концепции социального действия (поведения); теории конфликта и проблемы власти в регулировании социальных отношений; теории девиантного поведения.

Показано, что *релятивный* дискурс включает в себя массу разнообразных социальных концепций, являясь самым широким из трех. Из его логики следует, что феномены конформизма/нонконформизма не имеют характера острых противоречий, оказываясь скорее только тактиками социального поведения. Позиции нормативизма подвергаются критике (умеренной) по целому ряду оснований. В первую очередь, сомнению подвергается роль, которую играют интегративные функции культуры в системе общества. Для Т. Парсонса и Р. Мертона они суть – определяющие основания функциональной модели общества. Но, например, в теории Н. Лумана их ценность относительна, так как с его точки зрения необходимость стабильности системы существует наряду с необходимостью ее нестабильности. Схожие претензии нормативизму предъявляют Д. Локвуд, Р. Дарендорф, Л. Козер и др. Далее Ю. Хабермас и П. Бурдьё отмечают

ограниченность индивидуальной социальной теории действия Т. Парсонса, включая в нее внерациональные элементы. Интеракционистские теории девиации настаивают на общей системной обусловленности самих понятий «девиации» и «дисфункции». Также феномены конформизма/нонконформизма предстают в качестве диспозиций в отношении к власти.

Принципиальные расхождения с нормативным дискурсом обнаруживаются во взглядах авторов, чьи идеи относятся к *критическому* дискурсу. Среди них Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм и др. *Критический* дискурс анализа феноменов конформизма/нонконформизма, во-первых, отличается от других более радикальной постановкой проблемы власти. Отношения господства в данном случае выражаются через неомарксистские понятия «идеологии», «гегемонии», «ложного сознания», «массового общества». Конформизм, прежде всего, представляет собой следствие навязывания определенного типа ценностно-нормативных установок, ввиду этого нормативистская трактовка социального действия не принимается во внимание. Во-вторых, критическая теория имеет противоположную нормативизму аксиологическую направленность. Критический дискурс явно имеет левую политическую ангажированность и предстает в виде «диагноза современности», то есть здесь критика имеет конкретного референта в современных формах общественно-политической организации. Различия между описанными дискурсивно-методологическими полями схематично могут быть представлены следующим образом:

	Конформизм		Нонконформизм	
	Индивидуальный уровень	Системный уровень	Индивидуальный уровень	Системный уровень
Нормативный дискурс	Действие в согласии с нормативными установками	Интегративная функция культуры	Действие, противоречащее нормативным установкам, девиация	Дисфункция социальной системы

Релятивный дискурс	Действие в согласии с доминирующими нормативными установками	Стабильность системы	Действие в согласии с альтернативными нормативными установками	Нестабильность системы
Критический дискурс	Некритическая ориентация на нормативные установки	Производство идеологии, «ложного сознания»	Сопротивление идеологическому давлению	«Революция сознания», смена системы ценностей

Вторая глава посвящена социокультурной динамике конформных и неконформных тенденций в обществе постмодерна. Рассматриваются особенности проявления конформизма и неконформизма в периоды «раннего» и «позднего» постмодерна.

В **первом параграфе** выявляются специфические условия социально-исторического контекста, а также социокультурного и социально-политического бытия общества постмодерна. Акцентируются методологические различия между *постмодернистской социологией* и *социологией постмодерна*. Первая может быть отнесена к релятивному дискурсу конформизма/неконформизма. Конформность и неконформность в постмодернистской социологии рассматриваются скорее в качестве иллюзий «согласия» или «несогласия», в качестве временных диспозиций, которые определяются структурой властных отношений. Власть при этом понимается как некий обезличенный принцип, пронизывающий все социальное поле. Вместе с тем, Ж. Бодрийяр использует термин «гиперконформизм», выражающий симулятивный характер социальности в современном массовом обществе. Характерное отличие постмодернистской проблематики конформизма/неконформизма – отсутствие целостного субъекта социального действия.

Общество постмодерна является также предметом изучения *социологии постмодерна*, то есть комплекса представлений о «постсовременности», который не предполагает радикального отрицания всех установок проекта

модерна, но вынужден работать с фактически преобразившейся социальной, экономической и культурной реальностью. Более того, общество постмодерна как раз представляет собой эту социальную, экономическую и культурную реальность современности, являясь общим предметом и для постмодернистов (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Фуко), и для противников постмодернистской социальной теории (Ю. Хабермас, Э. Гидденс). На основании этих соображений в диссертации формулируются несколько характерных черт общества постмодерна.

Во-первых, это *децентрация (ацентризм) и фрагментарность*, характеризующиеся принципиальным отрицанием принципа системной организованности, структурной упорядоченности общества, рассматривающегося теперь как некая множественность.

Во-вторых, отношение к массам *как к социальной основе общества постмодерна*. В отличие от традиционной и индустриальной моделей общества, эпоха постмодерна обнаруживает высокую скорость социальной динамики.

В-третьих, постмодерн предполагает *плюралистичность* – прежде всего идейную, идеологическую и аксиологическую, подразумевающую множество вариантов самоидентификации личности. Этим же обусловлен кризис универсальной идентичности.

В-четвертых, общество постмодерна характеризуется так называемой *контингентностью* (contingency англ.; kontingenz нем.; con-tingentement фр.). Под контингентностью в данном контексте понимается не только рассмотрение *случайности как противоположности необходимости*, но и отсутствие взаимной детерминации участников социального взаимодействия.

Установлен хронологический порядок этапов социально-исторической динамики общества постмодерна. При этом диссертант отталкивается от тезиса о том, что общество постмодерна находится в состоянии перманентного развития и преобразования под влиянием ряда внешних и внутренних процессов. Всего выделяется три таких этапа:

1. 1945–1970 гг., то есть – от окончания Второй мировой войны до пика активности международного студенческого движения и выступлений групп различной политической ориентации на рубеже 1960–1970-х гг. Данный период характеризуется возникновением, развитием и кризисом модели общества, которую в позитивном коннотате называют «обществом благосостояния» (welfarestate), а в негативном – «обществом потребления» (consumer society). На данном этапе еще существуют некоторые черты классического буржуазного общества модерна (сохранившиеся скорее в общественном сознании), при этом все чаще эти черты вступают в противоречие с изменившейся социально-экономической средой. В области социальных и политических наук доминируют утилитаристские и нормативистские концепции. Постепенно нарастает сопротивление парсонсовскому нормативизму как со стороны неомарксистов, так и со стороны неклассической социальной теории.

2. 1970–1991 гг. – от кризиса «общества благосостояния» и начала контркультурного движения до конца холодной войны и начала процессов глобализации. Данный период связан с возникновением массового *контркультурного* движения, знаменуя собой социальный, политический и культурный раскол западных обществ. Этот этап является переходным между тем, что мы называем «ранним» постмодерном, и «поздним» постмодерном, то есть тем состоянием общества, которое мы наблюдаем сейчас. На этом этапе контркультурное движение и протестные настроения постепенно угасают (уже в 80-е годы XX в). Именно в этот период широкое распространение получил термин «постмодернизм», тогда же возникает полемика вокруг «состояния постмодерна».

3. С 1991 г. – от конца холодной войны по настоящее время. В течение данного исторического отрезка характерные для 70-х и начала 80-х гг. XX века массовые протестные настроения сходят на нет. Конец холодной войны знаменует новый этап в развитии либерально-демократических западных обществ, одержавших решающую идеологическую победу. Фрэнсис Фукуяма

назвал это событие «концом истории», имея в виду среди прочего окончательное формирование социокультурного облика человека новейшего времени. Здесь, собственно, и начинается постмодерн поздний.

Во **втором параграфе** речь идет о закономерностях проявления конформного и нонконформного поведения в различных социально-политических контекстах в условиях современного общества.

Установлено, что потенциальная возможность социального конфликта внутри общества с любой политической организацией и политическим режимом позволяет утверждать наличие социальных феноменов конформизма/нонконформизма в той степени, в которой обнаруживается возможная острота конфликта. Фактически проявление феноменов конформизма и нонконформизма в различных политических системах имеет характер закономерности. Данная закономерность обусловлена наличием свободного политического пространства для создания системной политической альтернативы действующему порядку. Чем шире возможности для политических выступлений в рамках самой системы, тем ниже риск возникновения нонконформных тенденций в обществе. И наоборот, чем меньше возможностей для проявления недовольства в рамках границ, установленных самой системой, тем выше вероятность возникновения нонконформистских настроений. То есть, если столкновение индивида и общества, индивида и власти, индивида и идеологии в условиях тоталитаризма обнаруживается с предельной ясностью, то в либерально-демократических режимах не всегда можно сразу чётко обозначить тип социального поведения: конформизм это или нонконформизм. Современное общество – общество постмодерна ещё более запутывает проблему, подчас стирая грани демаркации. Основное противоречие обнаруживается и в теории, и на практике. Демократическая теория имманентно не должна содержать проблематики анализа конформизма/нонконформизма как социальных типов поведения, предполагая «эволюцию солидарности». Но социальные и политические практики людей постоянно демонстрируют и тот,

и другой типы социального поведения, поэтому проблема их выявления и анализа остаётся актуальной. Для её теоретического решения, в первую очередь, необходим адекватный, отвечающий современным социально-политическим процессам понятийный аппарат. Либерально-демократическая риторика демонстрирует свою ограниченность, используя в качестве исходных утилитаристские, а в лучшем случае нормативистские предпосылки, в рамках которых не может быть корректно проанализирована проблематика конформного/нонконформного политического поведения.

На данном этапе развития общества, то есть в рамках современного общества постмодерна крайне затруднителен анализ оппозиций в отношении ценностно-нормативных систем и/или скрытых идеологических систем на уровне национальных государств. Процессы всемирной интеграции помимо экономической сферы захватывают и политическую, и культурную сферы, взаимные связи между которыми в обществе постмодерна все больше усложняются. На глобальном уровне, с одной стороны, процесс «насильственной» унификации ценностно-нормативных систем способствует и конформизму, и нонконформизму, но в негативном значении этих терминов. С другой – поиск универсальных ценностей, то есть условий, необходимых для диалога культур, остается наиболее актуальной из задач, стоящих перед человечеством в XXI веке.

В третьем параграфе раскрывается специфика феномена контркультуры (контркультурного движения) второй половины XX века как социокультурного выражения нонконформистских тенденций в обществе постмодерна.

Теоретическим основанием контркультурного движения считаются взгляды авторов, чьи позиции можно отнести к критическому дискурсу конформизма/нонконформизма. Отталкиваясь от негативных представлений о культуре современного общества и фундаменте его социальной солидарности, представители критической теории современного общества Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас, А. Грамши и

другие социальные теоретики акцентировали внимание на репрессивных элементах системы постиндустриального массового общества, трактуя конформизм как следствие некритического восприятия навязываемых моделей поведения. Эти представления легли в основу общей нонконформистской идеологии, присущей массовым протестным движениям 60–70-х годов XX века. Определяющим элементом этой идеологии была идея революции в ценностно-культурной сфере общества. Современная массовая культура в глазах адептов контркультуры оказалась сферой производства конформности, навязывания «тоталитарных» моделей мышления и поведения, что противоречило идеалу истинной человеческой свободы. Кроме того, представители контркультурного движения особое внимание уделяли консюмеризму (consumer, англ. «потребитель»), который, с их точки зрения, являлся результатом манипуляции массовым сознанием. Тем не менее, добившись ряда политических успехов, движение исчерпало свой протестный потенциал, так и не дождавшись массовой «революции сознания» западной цивилизации. Такие итоги контркультурного движения имеют два возможных объяснения, отличающихся преимущественно ангажированностью сторонников. К первому объяснению прибегают сторонники контркультуры, и заключается оно в том, что «система» выработала способность *кооптировать* (встраивать в логику своего функционирования и использовать в собственных целях) реальные нонконформистские содержания, доводя их до абсурда посредством практик потребления. Второе базируется на положении о преувеличении степени напряженности, существующей между контркультурой и посткапиталистическим обществом постмодерна. Второе объяснение, на наш взгляд, намного ближе к истине. В действительности, нонконформистская идеология предполагала такой символический образ «врага», который более сопоставим с социально-философской парадигмой общества модерна, с классическим капитализмом и ценностями буржуазного общества. Многие контркультурные идеи, как и сам по себе идейный (культурный и

политический) плюрализм, в большей степени соответствовали той экономической и социокультурной модели, которая лежит в основе постмодернистского общества потребления. Более гибкая политическая идеология неолиберализма способна сглаживать и локализовать возникающее в этой системе напряжение, приводящее к конфликтным ситуациям. Переход от централизованной и идеологически однородной политической системы к децентрализованной и идеологически многообразной знаменует переход от раннего постмодерна к позднему.

Такое изменение характера социальной структуры общества и принципов формирования моделей социального поведения позволяет взглянуть на конформизм и нонконформизм в иной перспективе. Конформность в позднем постмодерне имеет иную природу, нежели в раннем постмодерне, модерне и традиционных обществах. Относительное разнообразие культурных моделей и трансформация информационной среды представляют собой ключевые факторы, определяющие облик современного общества. На смену телевидению с его «авторитарной» и односторонней моделью коммуникации пришла глобальная по охвату и более демократичная по своему характеру сеть Интернет. Надо сказать, что «массы» как общественно-политическое образование не изменили своей сути, будучи инертной и податливой социальной субстанцией как в раннем, так и в позднем постмодерне. Более того, именно в позднем постмодерне характер масс раскрывается в полной мере. Если тоталитарные общества и либерально-демократические общества раннего постмодерна можно «обвинить» в навязывании неформальных норм, ценностей, стереотипов поведения и образов жизни, то в позднем постмодерне это сделать значительно сложнее. Дело в том, что индивиды, имеющие относительно широкие возможности выбора моделей социализации, чаще предпочитают самый простой способ – социализацию через образцы «низкой» массовой культуры. Таким образом, можно сказать, что массы конформны, потому как стремятся к конформности по своей сути. Такая тенденция может быть

скорее связана с некими фундаментальными характеристиками человеческой социальности вообще, нежели с особенностями современного общества, которые, безусловно, играют значительную роль. В настоящий момент ситуация осложняется широкой возможностью выбора моделей социализации, которую можно воспринимать с двух позиций: либо как уловку репрессивной по своему характеру системы, либо как следствие преодоления отчуждения и действительное освобождение. Так или иначе, следует констатировать высокий уровень дифференциации общества постмодерна, позволяющий ему парадоксальным образом включать в свою структуру элементы, ориентированные на его отрицание.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются перспективы разработки комплекса проблем в научно-гуманитарном знании, связанных с изучением феноменов конформизма и нонконформизма.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

I. Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, утвержденных ВАК:

1. Андрамонов Д.К. Конформизм и нонконформизм в различных социально-политических контекстах: к анализу проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». 2015. №3(15). С. 35–40. (0,5 п.л.)
2. Андрамонов Д.К. Феномены конформизма нонконформизма в контексте критической теории // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №1(43). Часть 4. С. 104–106. (0,5 п.л.)
3. Андрамонов Д.К. Аксиологические аспекты подходов к анализу конформизма и нонконформизма как социокультурных моделей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №4 (66). Часть 1. Тамбов: «Грамота», 2016, С. 13–15. (0,5 п.л.)

4. Андрамонов Д. К. Проблема социальной конформности в постмодернистской социологии // Дискуссия. 2016. №3(66). С. 66–72. (0,5 п.л.)
5. Андрамонов Д.К., Лукманов Д.Н. Ценностно-культурные основания неконформизма в обществе постмодерна // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3-4. – С. 5-8. (0,5/0,3 п.л.)

II. Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

1. Андрамонов Д.К. Конформизм и неконформизм в контексте массового общества // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции 13 октября 2015 г. Уфа. Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА, 2015. С. 321–324. (0,5 п.л.)
2. Андрамонов Д.К. Феномены конформизма и неконформизма в структурно-функциональной теории // «Современные концепции научных исследований». 15 международная научно-практическая конференция 25–27 июня 2015 г. Москва. М.: Евразийский Союз Ученых, 2015. С. 55–57. (0,5 п.л.)
3. Андрамонов Д.К. О смысловом поле понятий конформизм/неконформизм // Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум» по материалам международной конференции: «XXXI международная конференция по проблемам общественных наук» г. Москва. М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», 2015. С. 6–8. (0,4 п. л.)
4. Андрамонов Д.К. Экстремизм как радикальное проявление неконформизма // Партнерство через образование. № 8 (1). Сборник по результатам конференции «Противодействие терроризму и экстремизму» 23 сентября 2015 г., г. Самара. Самара, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://partner.sipkro.ru/index.php/stati/8-2015-god/78-stati/143-8-1> (0,4 п.л.)